

Образумь неразумных, Господи!
Задержи ракетный бросок...
Бог и дьявол играют в кости
на Россию. Мы — лишь залог.

Андрей Вознесенский

Глава I

Я ЖЕНЩИНА

Наконец-то в наш благословенный Тарасов пришла весна! Пять месяцев лежал снег, и, хотя зима в этом году была довольно мягкая, мне она порядочно надоела. Устаешь таскать на себе кучу одежды — свитер, шубу, шапку, тяжелые сапоги; все это сковывает движения, скрывает фигуру, выставляя для обозрения посторонних мужчин только лицо, покрасневшее от мороза. А что разглядишь на одном лице?

Короткими зимними днями порой вообще не успеваешь что-нибудь сделать. Просыпаешься по давней привычке поздно, пока войдешь в рабочее состояние — на улице уже опять смеркается. Ужас, да и

только! Именно поэтому зимой я стараюсь браться только за самые неотложные заказы, исходящие или от очень богатых людей, способных заплатить по максимуму, или от близких знакомых, которым неудобно отказать.

Моя деликатная работа порой заставляет то карабкаться на четвертый этаж по водосточной трубе, то уходить от навязчивой слежки или наемных киллеров бегом по крыше или на предельной скорости — на моей трудяге-«девятке». А если труба обледенела, на крыше хоть на санках кататься, а дорогу скорее позволительно называть катком, нежели трассой? То-то и оно! И без того рискованное занятие частного детектива превращается зимой в настоящий ад.

И тогда хочется лишь одного — тепла и уюта в доме. Нет, нет, не чая «Беседа». Беседовать мне, к сожалению, не с кем. Долгими зимними вечерами я люблю в своей уютной квартире, закутавшись в теплый махровый халат, смаковать огненный ко-

фе вместе с книгами Данила Корецкого, что-нибудь вроде «Пешки в большой игре», «Секретных поручений» или новинки — «Татуированной кожи». Где-то после 8 Марта я начинаю просыпаться от зимней спячки, словно медведица в берлоге. Весна есть весна, и я жду ее прихода, как ждет любая женщина.

Давно уже я не наивная школьница в коричневом платице и белом фартуке, которая считает, что дети рождаются от поцелуев с соседом Шуркой. Но теперь чем ближе весна, тем сильнее хочется, чтобы в моей жизни обязательно появился настоящий и сильный мужчина; нет, нет, сильный не своими мускулами, я не нуждаюсь в защите кулаков, сама могу уложить вручную нескольких, а если не поможет знание карате, выну свой «макаров», и обидчики успокоятся — жить-то всем хочется.

Настоящий мужчина — это тот, кто спешит к тебе одной сломя голову с работы, кто понимает и ценит тебя, кто нянчится с тобой, как с ребенком, прощает те-

бе капризы и слабости, кто пускается в пляс при известии о твоей беременности, а не хмурит брови, бросая на стол пачку долларов на аборт...

Чем жарче пригревает солнышко, тем сильнее во мне эти желания. А тем более в этом году, когда апрель выдался таким жарким.

Этой весной я осталась без мужской ласки. Нет, нет, я ни о чем не жалею. С моими внешними данными и способностями найти партнера на ночь не составляет труда. Но мне вдруг остро захотелось не партнера, не самца, как выражалась одна моя, ныне ушедшая в мир иной, знакомая, а принца на яхте с алыми парусами или на темно-вишневом «Мерседесе». Впрочем, пусть он не будет богат, в конце концов, не в деньгах счастье, я в состоянии прокормить семью и сама. Но пусть он только появится... Однако где он, мужчина моей мечты?

С такими тоскливыми мыслями я гуляла на следующий день после Пасхи в цент-

ре Тарасова. Люблю я свой город! Особенно в такие погожие весенние дни. Народ сбрасывает зимние шкуры, а сколько уже вокруг молодежи без шапок и беретов, с расстегнутыми от непривычной весенней жары лапами курток и пальто. Сколько женщин с радостью сбросили высокие зимние сапоги и перешли на маленькие сапожки, чтобы значительно увеличить обзор своих ножек. Это только наивные мужчины считают своей привилегией глазеть на нас, баб, когда, по мере поднятия столбика термометра все выше и выше, все выше и выше поднимаются юбки, обнажая истосковавшиеся по солнечному теплу и пристальным взглядам ножки. Мы, женщины, тоже не остаемся в долгу: используя тяжелую артиллерию своих очаровательных глаз, справляемся с мужчинами и раним их в самое сердце.

Конечно, на мужиков смотрю и я. Но все они сегодня, как назло, попадают спаренные, в том смысле, что воркуют под ручку со своими по-весеннему разгорячен-

ными подругами. А если и попадаются одиночки, так это или совсем уж дряхлые старички, которым далеко за пятьдесят, или сопляки, старающиеся казаться старше своих шестнадцати.

Что-то мне от сегодняшней жары немного не по себе. Хорошо бы выпить холодной кока-колы и сжевать хоть апельсин! Только где это сделать? А пойду-ка я на Набережную, посижу там спокойно на скамейке, на других посмотрю, себя покажу.

Я была не так уж и далеко от Набережной, на Немецкой. Мне нравится гулять по ней, там всегда много народу, а я люблю толпу: люблю глазеть на встречных и фантазировать, придумывая им разные судьбы. Вот и сейчас, купив на лотке апельсины и колу, я спускалась к Волге, разглядывая шагавших мне навстречу горожан.

Пожалуй, надо вспомнить, есть ли в моем гардеробе кожаная юбка: вон как аккуратно смотрится кожанка на бедрах той яркой блондинки! Кажется, пора перехо-

дить и на светлые блузки или хотя бы светлые водолазки: студентки, стайками вынырнувшие из сельскохозяйственной академии, уже сделали это. Вот тот шатен в коричневой куртке явно недурен. Но спутница его простовата, я бы рядом с ним смотрелась лучше. Интересно, сколько ему, двадцать три — двадцать пять? Какая разница, пусть будет чуть младше...

Вот и свободная скамейка. Сяду. Буду пить колу и жевать апельсины. А что еще остается делать молодой незамужней женщине, которая никак не может найти себе достойного спутника жизни?!

Я очищала второй апельсин и допивала свою колу, когда рев авиационных реактивных двигателей заставил меня поднять глаза к небу. Господи, что это?! Со стороны Покровска на предельно низкой высоте прямо на нас, мирных тарасовцев, нежившихся под лучами долгожданного весеннего солнца, неслась троица не то истребителей, не то штурмовиков — я не разбираюсь в авиационной технике. Над

нашими головами самолеты сделали крутой вираж и свернули правее от меня, полетев вдоль Волги к юго-западной окраине города, где располагались нефтеперегонный завод и химический комбинат.

Вдруг рев повторился, и вслед первому со стороны Покровска показалось второе звено военных самолетов. Эта тройка хищно ринулась за первой, и через несколько секунд на наших глазах над Волгой завязался настоящий бой. Шестерка крутила различные фигуры, из фильмов про авиацию я научилась отличать только две из них — «мертвую петлю» и «таран», а вот остальные — «бочки», «коробочки» и массу других я не рискую назвать правильно. Почему-то не слышно было только треска пулеметов и залпа ракет, или чем там бывают вооружены эти самолеты.

Стало жутко. Я вдруг вспомнила, что в трех тысячах километров от моего родного Тарасова на головы бедных югославов падают натовские бомбы и ракеты, вот уже вторую неделю там полыхает настоящая

война, которую стратеги из Пентагона и Брюсселя называют предупреждением гуманитарной катастрофы.

За мои всего лишь несколько лет частнорозыскной работы мне приходилось убивать. Преступников. Я старалась нажимать на спусковой крючок своего «макарова» или любого другого огнестрельного оружия, что попадалось мне под руку, только в крайнем случае, чтобы спасти свою или чью-то чужую жизнь. До сих пор мне это удавалось. Но если прилетят вот эти, быстрые и юркие, со своими «томагавками» и «И-бомбами», — что, против них с «калашниковым» или даже с «мухой»?

Я помнила, как в раннем детстве родители говорили о каком-то пилоте из ФРГ, кажется, Матиасе Русте, который среди бела дня приземлился на легкой одномоторной «Сесне» прямо на Красной площади в Москве. И ведь не сбили! Ладно, если турист или простой шпион. А если с бомбой?

Мне стало жутко. Я закрыла глаза, представляя, как удары точнейших натов-

ских бомб разносят в клочья гостиницу «Словакия», «томагавк» врезается в мост через Волгу, уничтожив несколько пролетов, а наглый «стелс» пускает ракету в Управление железной дороги, которое, взрываясь, задевает каменными глыбами стоящие неподалеку церковь и гимназию...

В эти мгновения неподдельный животный, вероятно, генетический страх, доставшийся от предков, которые пережили две мировых войны, парализовал все мое тело. Конечности одеревенели, в горле опять пересохло, словно за минуту до этого я не осушила бутылку ледяной колы. Мне стало действительно страшно, страшно от того, что я одна на всем белом свете и в минуту опасности никто не защитит меня от осколков бомб и снарядов и даже не успокоит, не погладит по голове, не прижмет к себе крепко и не скажет уверенно: «Все будет хорошо, вот увидишь. Мы победим!»

Не открывая глаз, я дала себе слово: «Все, к черту! К черту мою дурацкую опас-

ную работенку! Не могу больше! Я — женщина, мне хочется любить и быть любимой. Беременеть и рожать хочу, замуж хочу, черт возьми, за первого встречного, я с него пылинки сдувать буду, ласкать, как никого не ласкала, лишь бы он был рядом со мной и нашими детьми...»

Глава 2

ОН ТАЛАНТЛИВ, СКРОМЕН, В МЕРУ ЧЕСТОЛЮБИВ, ПРИЯТНЫЙ КОМПАНИОН, СДЕРЖАН И ДОБРОЖЕЛАТЕЛЕН

— Татьяна Александровна, вам плохо? — Чья-то рука коснулась моего плеча.

Я открыла глаза. Передо мной стоял совершенно незнакомый мужчина, возраст которого явно перевалил за сорок, в расстегнутой от жары черной кожанке, под которой виднелся строгий серый костюм. Со вкусом подобранный в тон костюма и светло-голубой рубашке галстук завязан крепким узлом. Вероятно, в недалеком прошлом незнакомец был шатеном, но

сейчас слегка волнистые волосы почти сплошь поседели. Лишь брови по-прежнему молодо темнели на его озабоченном лице. Еще Лермонтов в «Герое нашего времени» заметил, что такие брови при седых волосах — признак хорошей породы.

— Что с вами, Татьяна Александровна? — еще раз участливо спросил незнакомец, по-своему истолковав явно затянувшуюся паузу.

Я махнула рукой в сторону железнодорожного моста, над которым продолжала кружиться шестерка самолетов:

— Испугалась. Югославию вспомнила. Наши военные совсем ошалели, маневры уже над городом проводят. Они что, отрабатывают приемы защиты стратегических объектов от авиации НАТО?

Мой неожиданный собеседник расхохотался:

— Сразу видно, вчера Татьяна Александровна встречала Пасху и не смотрела «Губернские новости», поэтому не знает, что по приглашению губернатора на празд-

нование очередного Дня авиации и космонавтики из Москвы прилетела знаменитая эскадрилья «Витязей»: летчики-спортсмены на наших глазах только что разыграли показательный воздушный бой. Так что пугаться не стоит, милая Татьяна Александровна!

— Вы меня заинтриговали. Знаете меня в лицо, по имени-отчеству, стало быть, и по фамилии, я же, клянусь, вижу вас первый раз в жизни. Разве не так? Или с памятью у меня что-то стало?

— С памятью у мадемуазель Ивановой, к счастью, все в порядке. Мы действительно видимся впервые — очно.

— А заочно? — полюбопытствовала я.

— Заочно я познакомился с вами у Игоря Сергеевича Снегирева, помните вашего давнего поклонника?

— Как не помнить о чудесных месяцах в Испании!

— Он рассказывал об этом путешествии, крутил кассету с пленкой, я не мог не обратить на вас внимание. Разрешите пред-

ставиться, Полежаев Иннокентий Михайлович, доктор технических наук, профессор.

— В таком случае что же вы стоите, Иннокентий Михайлович, садитесь!

Полежаев послушно опустился на скамью слева от меня. Вероятно, он был из тех мужчин, кто встает при появлении дамы и не решается сесть без ее разрешения. Его фигура выглядела отнюдь не богатырски, и я подозревала, что под пиджаком при случае не обнаружу гору накачанных мускулов. Поразили его руки. Пальцы были очень длинные и тонкие. Один из моих знакомых криминалистов утверждал, что подобные пальчики могут принадлежать пианистам, фокусникам или карманникам — во всех этих случаях требуется виртуозность рук. Ногти явно не холились в косметическом салоне, но были аккуратно и коротко подстрижены. Лицо профессора не портил большой с горбинкой нос, крупные губы выражали уверенность, а взгляд — пристальное внимание.

— Так вот, Татьяна Александровна, не стоит пугаться и расстраиваться по пустякам. Мой московский знакомый Николай Нарницын, врач-психотерапевт, утверждает, что эмоциональное состояние человека на протяжении года нестабильно. На настроение влияют и погода, и весенний авитаминоз. Да и недавний переход на летнее время добавил все же небольшую долю в этот дисбаланс. Вот и получается, что человек в период межсезонья находится в состоянии затяжного стресса до тех пор, пока не установится ровная погода.

— Выходит, и у вас стресс? — Я с интересом посмотрела на профессора.

— И у меня. Я ведь тоже «гомо сапиенс», — утвердительно кивнул он.

— И как же несчастным сапиенсам выходить из этого стресса? — поинтересовалась я.

— А мы с вами уже начали эту процедуру, — ничуть не смутился Полежаев.

— То есть? — удивилась я.

— Для выхода из весеннего стресса нау-

ка рекомендует два пути. Весной солнце светит ярче. Под воздействием же солнечной радиации в организме человека вырабатывается серотонин, который еще иначе называют «гормоном счастья». Строго говоря, это не гормон, а медиатор, облегчающий нервной системе передачу импульсов. Поэтому на солнышке появляются ощущения необыкновенной легкости и радости. У людей подсознательно возникает желание гулять на солнышке как можно чаще и дольше, подставляя его лучам свое тело. Так что дамы надевают мини вовсе не для того, чтобы привлекать нас своими ножками, — им просто нужен серотонин, — доходчиво объяснил ученый.

— Занятно. А второй путь? — допытывалась я.

— Весной все эмоции проявляются необыкновенно ярко. У одних эйфория, у других плаксивость и раздражительность. В состоянии стресса человек легче идет на контакт. Проявляется подспудное желание свалить хоть часть стресса на чужие плечи.

Вот и получается, что стремление к общению приводит к тому, что весна становится действительно периодом «спаривания» людей, но не в грубом смысле совокупления, а в смысле желания ходить парами, иметь рядом близкого друга, которому можно просто излить душу. — Ученый, похоже, дорвался до благодарной слушательницы.

— Понятна ваша мысль, профессор. Мы, как вы изволили выразиться, «спариваемся» с вами на солнышке, сочетая приятное с полезным, ведь так?

От этого человека веяло спокойствием и уверенностью, которые незримо передавались собеседнику. Мне же в моем нынешнем состоянии как раз и не хватало спокойствия и уверенности. И, кажется, дух мой действительно заметно пошел на поправку.

— Итак, Игорь Снегирев показал вам кассету о нашем амурном путешествии в Испанию — будем называть вещи своими именами. Теперь Игорь Сергеевич не яв-

ляется моим бойфрендом, и вы это наверняка знаете. Что ж, скорее всего я вам потребовалась как женщина?

— Татьяна Александровна, разве я дал вам хоть малейший повод усомниться в своей порядочности? — Профессор был явно смущен моими словами.

— Иннокентий Михайлович, а разве желать женщину — это непорядочно? — парировала я.

— Сдаюсь перед вашей железной логикой, — Полежаев картинно поднял вверх обе руки, — но в данный момент ваше женское обаяние отступило для меня на второй план. Больше всего, представьте, меня интересуют сейчас ваши профессиональные качества частного детектива.

Вероятно, в выражении моего лица что-то произвольно изменилось, или профессор действительно был тонким психологом.

— Вы разочарованы? Не расстраивайтесь, Татьяна Александровна, просто никогда в жизни мне не приходилось изме-

нять. Хорошо это или плохо, но это так. — Он картинно развел руками.

«Просто тебе не встретишься на пути настоящая женщина, с которой можно было забыть обо всем на свете», — подумала я, а вслух, словно стряхнув весеннее наваяждение, спросила:

— Так что же вас привело ко мне, уважаемый профессор? — Я решила перевести разговор на сугубо служебные темы.

— Вот вы и обиделись, — очень верно определил мое теперешнее состояние Полежаев, — а между тем причина моего прихода к вам весьма серьезная: четыре дня назад погибла моя жена и исчезла дочь.

Мои брови сами собой поползли вверх.

— Простите, Иннокентий Михайлович, у вас горе, а я тут со своими глупостями... Еще раз извините!

— Нет, нет, просто я несколько неточно выразился: погибла моя бывшая жена, Ирина, и я воспринял бы это печальное известие довольно спокойно, если бы не

одновременное исчезновение моей дочери-девятиклассницы.

— Вы сказали «погибла», а не «умерла». От чего?

— Вот это обстоятельство и привело меня к вам. Я вернулся из командировки, вернулся только вчера вечером. А три дня назад домой позвонил неизвестный и сообщил о гибели бывшей жены и пропаже дочери. Мне поставили условие: если я хочу, чтобы дочь осталась живой, то до конца недели должен приехать в Зареченск, это в пятистах километрах от нас вверх по Волге.

Пока домашние связывались со мной, пока я возвратился, три дня уже прошло. Осталось только четыре... — Профессор замолчал.

— Вы сказали — бывшая жена. Давно вы расстались? — уточнила я.

— Мы разошлись с Ириной тринадцать лет назад, эту женщину я вычеркнул из своей жизни раз и навсегда. Если бы не Оксана, дочка, я бы вообще забыл о ее су-

ществования, клянусь вам! — Полежаев отчего-то даже сжал кулаки.

— Она вам когда-то причинила боль? Извините, если я вторгаюсь во что-то очень интимное, но, сами понимаете, врачу и сыщику надо рассказывать все.

— Вы правы. Она предала меня. И лишила дочери...

Профессор замолчал, в волнении потирая пальцами правый висок. «Бывают же дуры бабы! — подумала я, глядя на ученого. — Предать такого мужика! Впрочем, — поймала я себя на мысли, — каким он был полтора десятка лет назад, знают только двое: он и Ирина. Теперь вообще лишь он один. Может, горький опыт изменил характер Полежаева к лучшему?»

— Кто разговаривал с неизвестным? — спросила я.

— Наташа, Наталья Сергеевна, — третья жена и, надеюсь, последняя.

Я с нескрываемым интересом посмотрела на профессора: во дает мужик! Неда-

ром пословица утверждает, что в тихом омуте черти водятся.

— Когда мы с Натальей анализировали тот разговор, она обратила внимание на одну неувязочку.

— Какую? — встрепелулась я.

— Мы не общались с Ириной лет десять. К такому обоюдному решению пришли после того, как оба устроили свою личную жизнь: она почти сразу же после нашего развода вышла замуж за Игоря Кудрина, а я год спустя женился на Наталье. У нас сыну уже десять лет, он в третьем классе. Условились с Ириной не тревожить Оксану проблемой двух отцов. Алименты я пересылал на счет Ирины в сбербанк. Так вот, ни Ирина, ни Оксана, никто из бывших родственников не знал мой домашний номер телефона.

— Профессор, это не проблема — узнать номер телефона. Адрес-то ваш у бывшей жены был?

— Лет пять назад мы переехали на новую квартиру, и адрес этот был ей тоже не-

известен. Хотя, впрочем, в почтовых переводах в сбербанк есть графа обратного адреса...

— Вот видите! А по адресу легко установить и домашний телефон, позвонив в городскую справочную.

— Попробуйте, Татьяна Александровна. Телефонистка вежливо ответит, что у Полежаева Иннокентия Михайловича по указанному адресу телефона нет.

— Закрытый список?

— Именно.

Я с еще большим интересом посмотрела на профессора. Закрытый список в адресных бюро и городских телефонных станциях существует для узкого круга лиц. В нем чаще всего политики, известные артисты, крупные бизнесмены, ученые, занимающиеся секретными разработками. Полежаев принадлежал скорее к числу последних.

— Погибшая жена — это может быть и заурядная автокатастрофа, — рассуждала я вслух. — Или удар кирпичом по голове.

Помните, у нас зимой на голову какого-то служащего одного из областных министерств свалился кусок штукатурки с кирпичами и бедняга умер на месте? Об этом писали местные газеты, «Тарасовские ведомости» в частности.

— Вот и я хочу знать точно — почему одновременно с гибелью бывшей жены исчезает моя дочь. Где она? Поэтому я и пришел к вам.

— Сегодня двенадцатое апреля. Вы говорите, осталось четыре дня. А почему до сих пор не обратились в официальные правоохранительные органы, милицию или ФСБ? Мне это не совсем понятно! — Я действительно не находила объяснений по этому поводу: ученый, занимающийся секретными разработками, скорее всего постоянно находится «под колпаком» спецслужб. Они-то уж наверняка знают о похищении дочери Полежаева, пусть от предыдущего брака, и не позволят ученому действовать самостоятельно.